

ТАИНСТВО ТИШИНЫ

«**М**Ы НЕ ЗНАЛИ, куда едем, какой таковой необитаемый Сладкий остров вдруг обнаружился в Белозерье и как мы там будем жить.»

Так, в манере почти очерковой, еще таящей неизвестные продолжения, начинается интимнейший лирический сказ о жизни души, последний сказ Александра Яшина.

Лирическая струя размывает берега прозаического жанра. Девять главок-миниатюр, составивших вещь, написаны в разное время, в разных местах. Расположение их не подчинено никаким внешним обстоятельствам — ни хронологии, ни сюжету; каждая самостоятельна, каждая производит впечатление законченного целого. И тем не менее они связаны — и не только по видимости, темой пребывания на заброшенном островке... Связь здесь «сущностная», внутренняя. Ведь и события, составляющих зачастую интерес и остроту многих других произведений, нет в этой маленькой лирической повести.

Люди просто отдыхают. Просто наслаждаются природой.купаются. Рыбу ловят... Собирают грибы... И кого-то, может быть, обманет эта простота, заставит воспринять произведение как очерк. «физиологию». Не грубую, не натуралистичную, конечно, но все же...

Полусерьезно-полуиронически, не нарушая тончайшей грани, за которой кончается поэзия, Яшин обнажает свой прием — установку на описание, «натуральность» — чтобы сделать зримой глубинную суть своего реализма: не фотография фактов действительности, а сама действительность в силовом поле идеала художника, не в безразличном освещении, а при свете совести: «Записал я сейчас эту историю и задумался: а для чего, собственно, я ее записал? Мелко, проблемно, и вряд ли высокохудожественно. Правда, реализм налицо, но, может быть, это уже не реализм, а ползучий натурализм и, стало быть, ничего, кроме вреда, от него ждать нечего. Скажет кто-нибудь, будто я вместо того, чтобы заниматься своим кровным делом, служить народу, составляю заметки для поваренной книги. Для чего все это?»

А может, не «для чего», а «для кого»? Может, мою заметку и впрямь прочитает

не одна домашняя хозяйка и будет при случае сушить грибы точно таким же простым способом, как я описал. А от них научатся другие, и пойдет... И получится, что я все-таки послужу своей заметкой о грибных шашлыках народу и не думая, что служу...»

Итак, перед нами бесфабульное повествование. И вот что интересно: то говорится о Льве Толстом, то о бесхозяйственности, а то вдруг о вулканах и таинстве тишины... Это ли не эклектика?

А все же повесть не распадается на бес-связные, не соотнесенные друг с другом отрывки. Такова уж неповторимая особенность яшинской прозы: все может вобрать в себя, ко всему на свете подключиться, ибо душа лирика понимает все связи природы и человека, и людей между собой.

Одна лишь сила, сила авторского видения мира, цементирует все многообразие проявлений бытия. Фраза уподобляется стиху: одно неточное слово разрушит постройку, убьет гармонию. Вот как изображается торжественный полет журавлей в осеннем небе: «Птицы шл и ровно, спокойно, красиво», — попробуйте заменить в этой фразе одно только слово — не «шли», а «летели» — и поэзии как не бывало.

У каждого человека, наверное, хотя бы раз в жизни бывает свой «Сладкий остров», время тихой прозрачности души. И тогда природа, не терпящая суеты и мелочности, открывает человеку свою близость. Природа просветляет, успокаивает; она как бы изымает человека на время из причудливой паутины общественных связей из многошумия большого города. Тогда (парадоксально?) тем острее начинает он чувствовать свою общественную, истинно человеческую сущность. Рождается раздумье: не лихорадочная скачка мыслей, а прозрачная, как журавлиное небо, ясность, ни с чем не сравнимое состояние души, и тут же — драгоценная возможность взглянуть на себя извне. (В такие моменты повествование от первого лица у Яшина сменяется — не по логике рассудка, а по законам поэзии — авторской речью. Но автор одновременно и персонаж повести. И вот он говорит о себе в третьем лице, и в этих словах — удивление человека, которому удалось оживить свое зеркальное отражение).

На место всеневных, деловых, привычных связей приходит сознание извечного

* Александр Яшин. Сладкий остров. «Новый мир», № 12, 1969.

родства людей, сознание гуманистическое, возвращающее к людям, к нелегкой жизни «в миру» — даже отсюда, из тишины благословенного острова. «Оттого и торопятся домой, что там кто-то ждет, кто-то остался», — а дом этот велик...

Глава «Крапивное семя» (когда-то на Руси так именовали попов, а позднее и всех недобрых людей) — нравственный центр повести. Здесь — ключ к пониманию всей вещи.

Но здесь же обнаруживается не только гуманистически сильная, но и слабая, абстрактная сторона художественной философии А. Яшина. Чистота и незамутненность лирического, «тихого» состояния духа порой до болезненной резкости обнажает трагические в своем существе противоречия реальности, но оно же, это состояние, создает абстракцию «зла». Того самого, живучего и реального, которое вдруг превращается в «зло вообще», в «нечисть» (не случайно и слово это в своем первоначальном «мистическом» значении — из духовного словаря). Отсюда некоторая созерцательность во взгляде и упование на правильную, добрую работу времени: «Разве всю нечисть можно извести? Только и надежды что на время — оно должно взять свое».

Художественное видение мира всегда конкретно. Где нет этой конкретности, там логика рассудка подменяет образное мышление. Не зря эту главу Яшин вынужден был закончить сентенцией.

Очеловечивание природы — как принцип художественного пересоздания мира и, шире, как философская концепция бытия —

организует всю повесть, придавая единство. Этот принцип пронизывает повествование, то превращая мир в добрую и мудрую сказку, которую маленький Миша терпеливо караулит на берегу озера, а чайку — в чудесную мечту, загадочную золотую птицу, — то становясь памятью босоногого детства. Этот последний мотив особенно важен в лирической системе Яшина: ведь именно ребенку присуще такое непосредственное, не замутненное отчуждающей городской цивилизацией мироощущение. И малыш Миша — не просто сын писателя. Это и сам художник, его память и его совесть.

Глава «Журавли», венчающая повествование, может быть лучшее из всего. что написано А. Яшиным в прозе. Здесь лирическая тема, как музыкальная, движется в своих противоречиях, набирает полноту звучания в многоголосии и разрешается пронзительно чистой, высокой, небесно-голубой нотой, бесконечно затухающей, но не кончающейся никогда.

Поэтическое слово как бы раздвигает свои границы, приобретает значение волевого акта, почти заклинания. Оно может творить чудеса. Потому и глава эта несет подзаголовок «Сила слов...»

Здесь нет, конечно, наивной веры в магическое начало. Есть вера в гармоническое единство мира, а она — тип проявления нового, свободного человеческого сознания.

Евг. РИВЕЛИС.